

СТАРОРУССКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ КРОВНОГО И СВОЙСТВЕННОГО РОДСТВА В СИСТЕМЕ NOMINA PERSONAE И ТИПОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ

В системе номинации любого языка широко представлена категория *nomina personae* (наименований лиц). Это понятно, поскольку человек с его языковой способностью отражает в наименованиях знания не только об окружающем мире, но и о самом себе как его части, фиксируя таким образом потенциально бесконечное многообразие собственных социальных ролей.

Известно, что названия родственных отношений занимают исключительное положение в составе номинативных средств по древности своего первоначального оформления, особенностям развития, современному состоянию. В процессе исторического развития названия родства и свойства естественным образом изменялись, достигнув к настоящему времени состояния замкнутой системы. Положение этих наименований в основном словарном фонде языков можно оценить как исключительное по сравнению с названиями растений, злаков, деревьев, домашних животных, предметов хозяйственной деятельности, даже названий частей тела [1, с. 3].

В истории общественных отношений и языкознании существует длительная традиция изучения этого разряда *nomina personae* (Б. Дельбрюк, В. Краузе, А. Исаченко, Л. Крушина-Черный, Л. Нидерле, Э. Бенвенист, П. А. Лавровский, О. Н. Трубачев). Усилия лингвистов направлялись на этимологический анализ, выяснение социальной обусловленности названий, определение сходств и различий языков и диалектов в сфере указанных наименований. Заслуживает одобрения стремление зафиксировать их по говорам и языкам, принимая во внимание не только нивелировку диалектных различий в процессе славянского лингвогенеза, но и архаизацию значительной части этих единиц в условиях современного языкового развития [2].

Новая научная лингвистическая парадигма делает целесообразным и продуктивным рассмотрение упомянутых единиц как средств

наименования. В контексте общепризнанной значимости деловой письменности в истории русского литературного языка интерес представляет изучение роли и места наименований родства и свойства в системе старорусской предметной номинации. Функциональная ограниченность делового языка создавала особые условия для использования и продуцирования номинативных средств вообще и указанных в частности.

Терминология родственных и свойственных отношений традиционно структурируется по наименованию кровного родства первого уровня (названия отца, матери, ребенка, сына, дочери, брата, сестры), второго (названия внука, внучки, правнука, правнучки, деда, бабушки), третьего (названия дяди, тетки по отцу и по матери). К ним примыкают различные наименования, выражающие приравнение неродственных отношений к кровнородственным: названия отчима, мачехи, падчерицы, пасынка. Известна также большая группа наименований свойственного родства (названия жениха, невесты, мужа, жены, брата жены, брата мужа и т. п.).

В языке старорусской деловой письменности представлен практически весь набор известных русскому языку того времени рассматриваемых номинаций. Наиболее обширна группа названий кровного родства: *бабка, брат, дед, дети, внук, внука, дочь, дядя, мать, отец, племянник, правнук, прадед, родители, сестра, сын, тетка*. Используются примыкающие к ним *пасынок, падчерица, отчим, мачеха*. Из наименований свойства нами отмечены *деверь, зять, невестка, сноха, тесть, теща, шурин, муж, жена, подружие*, а также *свояк, родственник, сродник, родня, род, племя, семья* и некоторые другие¹.

Анализ концептосферы старорусского делового языка, а также состав выявленных

¹ Старорусские наименования приводятся в упрощенной орфографии.

наименований позволяют сделать вывод об исключительной значимости этих единиц в системе предметной номинации вообще и *nomina personae* в частности, что определяется антропоцентризмом социально-экономических и правовых отношений. Термины родства и свойства в деловой письменности указывают не только на отношения между людьми, но и характеризуют их правовое положение. Отсюда высокая значимость одних наименований в пределах этой группы и отсутствие других, хотя лакуны, по нашим наблюдениям, единичны. Социальные и правовые приоритеты нашли отражение в системе данных наименований.

Представляется особый тип предметных номинаций системы *nomina personae*, для которого характерны следующие конститутивные признаки:

1. Выраженная первичность номинативной сущности. Известно, что первичные или изначальные номинации (в понимании В. Г. Гака и В. Н. Тепия) — редкое явление в языке. Например, наши подсчеты показали, что всего около 12 % наименований лиц старорусского делового языка могут быть признаны первичными, в то время как среди терминов родства первичность составляет 60—70 %. Очевидно, что индоевропейское происхождение большинства рассматриваемых *nomina personae* надежно скрыло истоки наименования таких единиц, как, например, *мать, дочь, сын, отец, жена, муж, брат, сестра, дед, бабушка* и др.
2. Неактуальность семантической деривации. Наблюдения показывают, что большинство названий кровного и свойственного родства являются однозначными. Это подтверждают словарные материалы. Например, по одному значению зафиксировано у наименований *вдова* (СДЯ, 2, 264), *дедь* (СДЯ, 3, 127; СлРЯ XI—XVII вв., 4, 200), *дъчи* (СДЯ, 3, 151; СлРЯ XI—XVII вв., 4, 347), *деверь* (СДЯ, 3, 148; СлРЯ XI—XVII вв., 4, 197), *мать* (СДЯ, 4, 512), *мачеха* (СДЯ, 4, 514), *свекровь, свекорь* (СлРЯ XV—XVII вв., 23, 108), *падчерица* (СлРЯ XI—XVII вв., 14, 121), *невестка* (СлРЯ XV—XVII вв., 11, 40) и др. Показательно, что приблизительно половина анализируемых названий в период письменной истории русского языка сохранили свою моносемантическую. Подобную ситуацию можно, вероятно, объяснить специфичностью сферы именования, а также тем, что в характерном для речемыслительной (номинативной) деятельности выделении специальных, существенных свойств предмета и его отнесении к определенной

категории [3, с. 401] из возможных альтернативных связей отдать предпочтение именно «родственной» связи далеко не всегда представляется возможным ввиду ее неактуальности.

В деловой письменности термины родства редко используются в непрямых значениях, хотя в истории русского языка они развивали именно таковые. Анализ семантического наполнения указанных слов показывает, что новые значения появлялись на базе исходных без их существенных преобразований, то есть новое название возникало путем частичной модификации или мутации [4, с. 46] номинативной идеи. Это хорошо видно из примеров. Так, СлРЯ XI—XVII вв. фиксирует *отець (отць)* ‘родитель’, ‘родоначальник’, ‘богтворец’, ‘старший, почитаемый’, ‘почетное имя духовных особ’, ‘духовник’, ‘крестный’ (СлРЯ XI—XVII вв., 13, 236); *дети* ‘дети’, ‘молодые слуги, дружинники’, ‘духовная паства’ (СлРЯ XI—XVII вв., 4, 240); *брат* ‘брат’, ‘равный’, ‘о монахе’, ‘ближний’ (СлРЯ XI—XVII вв., 1, 319), *дядя* ‘брат отца или матери’, ‘лицо, представленное к княжичу для воспитания и обучения’ (СлРЯ XI—XVII вв., 4, 401) и др. Возникновение наименований родства могло происходить и за счет переосмысления слов, выполнявших другую номинативную функцию. Достаточно сравнить толкование значений: *племянник* ‘соплеменник’, ‘родственник’, *сын брата или сестры* (СлРЯ XI—XVII вв., 15, 84); *невеста* ‘невеста’, *жена сына* (СлРЯ XI—XII вв., 14, 40); *зять* ‘порядившийся посредством брака’, ‘жених’, ‘зять’ (СлРЯ XI—XVII вв., 6, 73) и др.

3. Для наименований кровного и свойственного родства характерна высокая деривационная активность. Это значит, что в истории русского языка возникало и функционировало значительное количество слов, однокоренных указанным. Так, например, *дедь* и *дединь*, *деденство*, *дедина*, *дедична*, *дедичный*, *дедичь*, *дедний*, *дедовский*, *дедство*, *дедушка* (СлРЯ XI—XVII вв., 4, 200—203), *вдова* — *вдовица*, *вдовичь*, *вдовичьный*, *вдововати*, *вдовствие*, *вдовьство*, *вдовьствовати*, *вдовьственный*, *вдовыць*, *вдовеи* (СДЯ, 2, 264), *дядя* — *дядевщина*, *дядинь*, *дядина*, *дядинка*, *дядинский*, *дядний*, *дядькин*, *дядько*, *дядьковичь*, *дядьчити*, *дядья*, *дядюшка* (СлРЯ XI—XVII вв., 4, 401) и т. д. Анализ собранных нами материалов подтверждает, что упомянутые термины родства могли служить базой для возникновения других наименований этой же тематической

- группы типа *братанічъ* 'сын брата', *маченичъ* 'сын мачехи' и под., *пратестъ* 'отец тестя', *пратеца* 'мать тещи' и под. Правда, для делового языка подобные наименования являются неактуальными.
4. Слабая способность к семантическому развертыванию, под которым мы понимаем возникновение неоднословного наименования субстантивно-атрибутивного типа. Таким способом в языке старорусской деловой письменности активно решались задачи наименования, о чем свидетельствует огромное количество номинаций типа люди добрые. В сфере названий кровного и свойственного родства подобных бивербов мало (брат родной, брат двоюродный, сестра родная, сестра двоюродная и др.). По нашим наблюдениям, неоднословные наименования чаще содержали единицы типа отец, дети, жонка и др. в переносных или других, «неродственных» значениях. Например, в Уложении 1649 г. находим: *жонка вольная свободная женщина*, *жонка тяглая несвободная женщина*, *отец духовный* 'духовник', *дети боярские княжеские дружинники* и т. п. [5]. Исторические словари фиксируют подобные наименования, часто помещая их в «заромбовую» часть словарной статьи. Очевидно, что фразеологизация подобных номинаций достаточно продуктивна. Ср., отец — святой отец, духовный отец, крестный отец, названный отец (СлРЯ XI—XVII вв., 13, 137).
 5. Выраженная коррелятивность наименований лиц женского и мужского пола. Для языка деловой письменности подобное соотношение вообще неактуально, поскольку «формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение его к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека» [6, с. 59]. В сфере наименований кровного и свойственного родства это утверждение утрачивает свою силу. Функционируют пары типа *отец* — *мать*, *сын* — *дочь*, *брат* — *сестра* и т. п., причем в отличие от других *nomina personae* эти пары характеризуются устойчивым и регулярным супплетивизмом индоевропейского происхождения.
 6. Способность к экспрессивным вариациям. Симптоматично, что разные жанры деловой письменности отразили неодинаковые условия использования анализируемых наименований. Так, своды законов, уставы, судебники и под. почти не фиксируют экспрессивно-оценочных образований, в то время как челобитные, духовные,

закладные и другие грамоты содержат большое количество подобных единиц. Примеры: *робенок* — *робятишки*, *робятки* (Пам. Влад.), *сын* — *сынишко* (Южн. XVI), *баба* — *бабка*, *бабушка* (ЗА), *дочь* — *дочеришка*, *дочеришко*, *дочка* (Пам. Влад.).

Рассмотрение наименований родственных и свойственных отношений подтверждает вышеприведенное предположение о том, что эта группа названий представляет собой особый тип в системе предметной номинации языка старорусской деловой письменности.

Одним из возможных ракурсов анализа указанной группы наименований является ее рассмотрение в контексте общей типологии предметной номинации, которая базируется на комплексе характерных для наименования параметров. В предлагаемой нами теории типологии необходимо учесть вербально-квантитивную структуру названия (однословное/неоднословное), его номинативно-прагматический статус (первичное/вторичное), деривационный характер (автономное/неавтономное). Особое значение имеет анализ денотативно-сигнификативной структуры наименования и выявление того, какой признак предмета положен в его основу. «Система номинаций может быть рассмотрена как система представлений человека об окружающей действительности, в которой отражены результаты познавательной и классификаторской деятельности» [7, с. 46]. Оказывается, что выявить привлеченный в именовании признак возможно, при этом подобное выявление осуществимо не только во вторичных универбальных названиях, но и в бивербальных. Например, *переведенець* 'зависимый крестьянин, которого перевели с одной земли на другую' получил название по агентивно-объектному признаку (по действию, направленному на предмет), *окладные книги* 'книги, содержавшие запись оброков с имущества и промыслов, размеры жалования служилых людей и т. п.' были, вероятно, поименованы так по содержательному признаку, они содержали сведения об окладах — назначенной плате за что-либо. Механизм определения привлеченного в именовании признака состоит в анализе номинативного суждения, под которым следует понимать допустимое вербальное выражение денотативно-сигнификативного содержания номинации. По сути это попытка выяснить, какой признак из всех свойственных данному предмету оказался наиболее значимым и лег в основу названия, это анализ внутренней формы универба или биверба. При таком подходе вне пределов рассмотрения остаются первичные наименования, но их количество невелико

Если применить предложенный подход определения типов номинаций к названиям кровного и свойственного родства, то окажется, что большинство однословных — названия первичные. Это нами уже отмечалось выше. Лишь незначительная часть имеет внутреннюю форму, позволяющую квалифицировать их как вторичные. При этом вырисовываются непродуктивные номинативно-derivационные типы, существующие только в рамках рассматриваемой системы наименований. Например, *правнук, правнучка, прадед, прабабка* или *пасынок, падчерица* характеризуются специфическими морфонологическими свойствами, символизирующими связь данного названия с тем, на основе которого оно возникло. Это же можно сказать и о словах *отчим, мачеха, братанич* и др.

Попытки рассмотреть наименования кровного и свойственного родства в контексте общей типологии предметной номинации свидетельствуют в пользу высказанного утверждения о том, что перед нами особая группа названий, специфика конститутивных признаков которой определяется древностью

возникновения и особенностями функционирования в языке вообще и старорусского периода в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
2. Серия публикаций П. А. Михайлова и К. М. Панютин в журнале «Родное слово» 1997—2001 гг.
3. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их изменения при локальных поражениях мозга. М., 2000.
4. Dokulil M. Tvoreni slov v cestie. Praha, 1962.
5. Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л., 1987.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
7. Вендина Т. И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование // Слово и культура. М., 1999. Т. 1.

SUMMARY

The name of blood and unblood relationship, their place in general system of nomination of persons and also typological description of subject's nomination are proposed in the article.

УДК 81'373

С. В. Машканцева

КОНЦЕПТ ЛЕС КАК ОБЪЕКТ ПРЕОБРАЗУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (на материале романа Л. Леонова «Русский лес»)

Длительное время лингвисты уделяли внимание лишь формальному синтаксису, в результате чего синтактика оказалась оторванной от семантики и прагматики. В последние десятилетия все чаще говорится об интегральном характере естественного языка, о взаимосвязи синтактики, семантики и прагматики. Так, для полного раскрытия концептуального значения понятия *лес* в романе Л. Леонова недостаточно выявить словарные и авторские дефиниции лексемы *лес*. Значительную часть концептуальной информации несут слова, с которыми данная лексема сочетается в контексте.

В научной литературе под семантическим объектом понимается предмет, на который направлено действие, к которому непосредственно обращено чье-либо отношение.

В романе Л. Леонова концепт *лес* как объект физического воздействия представлен рядом глаголов, имен существительных, словосочетаний. Абсолютное большинство

глаголов имеют общую сему — 'губить лес'. Среди них первое место занимают глаголы с корневой морфемой *-руб-*. Речь идет о глаголах *рубить, срубить, вырубить, повырубать, дорубить*.

Рубить является глаголом несовершенного вида и соответственно обозначает действие незавершенное. Употребляя данный глагол по отношению к лесу, Л. Леонов представляет непосредственно процесс рубки, независимо от того, в форме какого времени используется глагол *рубить* — настоящего или прошедшего. Подтвердим примерами из текста: *рубят монастырская братия в обительских угодьях, завецанных на помин души* [1, с. 315]; *В той спешке мы рубили все, без различия возраста, пород и бонитета* [1, с. 333]. Глагол несовершенного вида не может показать результат действия, которое он обозначает, поэтому нельзя с уверенностью сказать, все или не все было срублено. Ощущение уверенности в